

П. П. Пекарский

**Введение в историю
просвещения в России XVIII
столетия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. П. Пекарский**
Введение в историю просвещения в России XVIII столетия / П. П. Пекарский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 590 с.

ISBN 978-5-518-08266-3

ISBN 978-5-518-08266-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

XI.

Исторія; печатныя руководства къ изученію русской исторіи, стр. 315—317. Заботы цара о составленіи русской исторіи и его взглядъ на древній періодъ ея. Распоряженія Петра Великаго о сохраненіи въ памяти потомства его царствованія, стр. 317—323. О переводахъ и изданіи въ свѣтъ иностранныхъ историческихъ произведеній. Вліяніе католицизма и протестантизма на труды западныхъ историковъ и значеніе этого вліянія въ русскихъ переводахъ петровскихъ временъ, стр. 323—332.

XII.

Русскіе переводы географическихъ сочиненій въ XVII вѣкъ, стр. 333—340. Описаніе на русскомъ языкѣ Китая—Спафарія, стр. 340—343. Печатныя географія при Петрѣ Великомъ; заботы его о составленіи и печатаніи картъ, стр. 343—346. Вліяніе французской академіи наукъ по части изслѣдованій разныхъ краевъ Россіи, стр. 346—350. Первое ученое путешествіе по Сибири доктора Мессершмидта, 350—362.

XIII.

Рукописныя стихи и похвальные слова, хранящіеся въ кабинетъ Петра Великаго, стр. 362—363. Панегирикъ братьевъ Лихудовъ, стр. 363—364. Прозанческія и стихотворныя произведенія по случаю полтавской победы, стр. 365—368. Стихотвореніе Михаила, валдайскаго пастушка, 1718 года, стр. 368—370. Слово Софонія Лихуды, стр. 370—371. Кантата Михайла Шириева, стр. 371—372.

XIV.

Среднеязыковыя мистеріи и отношеніе ихъ къ стариннымъ театральнымъ зрѣлищамъ въ Россіи, стр. 372—380. Мистеріи въ Малороссіи, 380—387. Обрядъ пещнаго дѣйствія въ Москвѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, стр. 387—391. Переходъ польской и малорусской мистеріи въ Москву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, стр. 391—421. Извѣстія современниковъ о театрѣ и актерахъ петровскихъ временъ, стр. 421—437. Тогдашнія русскія пьесы съ намеками на современныя событія и лица, стр. 437—459. Переводы европейскихъ драматическихъ произведеній, стр. 459—478.

XV.

Связь литературныхъ произведеній петровскихъ временъ съ новою русскою литературою. Феофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, выразившій въ своихъ трудахъ стремленія, которыя вызваны въ Россіи реформою Петра. Отношенія Прокоповича къ Аѣтіоху Кантемиру и Ломоносову, стр. 478—494. Представители отсталости и застоя въ русской жизни—первые враги Прокоповича, стр. 494—495. Литературныя доносы, стр. 495—498. Ученая полемика, кончавшаяся застѣнкомъ тайной канцеляріи, стр. 498—514.

Приложенія.

- I.—Письма бургомистра Витзена къ Петру Великому, стр. 517—520.
- II.—Письмо доктора Рюйша къ Петру Великому, стр. 520—521.
- III.—Прошенія Или Копіевского и Яна Юнга, стр. 521—529.
- IV.—Письма аббата Биньона и Фонтенелля къ Петру Великому, и отвѣтъ его французской академіи наукъ, стр. 529—533.
- V.—Отчетъ о заграничномъ путешествіи бібліотекаря Шумахера, стр. 533—558.
- VI.—Описаніе собранія рѣдкостей Алберта Себа, приобретенныхъ Петромъ Великимъ, стр. 558—561.
- VII.—а) Проектъ объ учрежденіи семинаріи въ Петербургѣ Теофана Прокоповича, стр. 561—567.
— б) Вздѣвіе о торговлѣ російской, составленное кн. Иваномъ Щербатовымъ, стр. 564—567.
- VIII.—Переписка о книгѣ Система магометанской религіи, соч. кн. Дмитрія Кантемира, стр. 567—570.
- IX.—Прошенія и письма кн. Дмитрія Кантемира и сына его Автіоха, стр. 570—578.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ XVIII столѣтія, книгопечатаніе въ Россіи получило бѣльшее развитіе, затруднительная переписка разныхъ сочиненій и переводовъ начинаетъ прекращаться, по разнымъ отраслямъ наукъ появляются печатные учебники, трактаты, цѣлыя сочиненія и т. д.; но всѣ эти произведенія добраго стараго времени сдѣлались въ настоящую пору рѣдкими, и приобрѣтеніе и пользованіе ими сопряжено съ немалыми затрудненіями.

Различныя причины такой рѣдкости: нѣкоторыя сочиненія печатались въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, но потомъ, по соображеніямъ политическимъ или религіознымъ, извлекались изъ обращенія въ публикѣ и, такимъ образомъ, оставались въ рукахъ немногихъ. Случалось и такъ, что книга издавалась въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, отчего при самомъ появленіи въ свѣтъ дѣлалась уже рѣдкостью. Но главнѣйшею причиною трудности доставать нынѣ петровскія книги должно считать тогдашнее состояніе русскаго общества: во времена Петра Великаго, кругъ читателей былъ такъ незначителенъ, потребность въ чтеніи такъ ничтожна, что даже не многія, печатавшіяся тогда книги не находили почти сбыта и, съ теченіемъ времени, по необходимости, какъ ненужныя, предавались уничтоженію. Еще въ 1703 г., одинъ голландскій купецъ, торговавшій русскими книгами, печатанными, по волѣ царя, въ Амстердамѣ, писалъ къ Петру Великому, что онъ въ убыткѣ отъ этой торговли, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало.» Пишущій эти строки имѣлъ случай еще болѣе убѣдиться въ томъ, просматривая старинныя типографскія дѣла синодальнаго архива. Изъ нихъ, напримѣръ, видно, что въ 1752 г. въ конторѣ московской синодальной типографіи накопилось разныхъ петровскихъ изданій, выходившихъ изъ московской и упраздненной въ 1727 г. петербургской типографіи, такое множество, что синодальное начальство признало необходимымъ или продавать ихъ на бумажныя фабрики, или же употреблять на обертки вновь выходящихъ книгъ. Последняя мѣра была

нѣсколько разъ приводима въ исполненіе, именно: въ 1752, 1769 и 1779 годахъ. Изъ описей, составленныхъ по этому случаю, оказывается, что большая часть нынѣ особенно рѣдкихъ изданій сказанной эпохи лежали въ складахъ конторы десятки лѣтъ, только напрасно занимая мѣсто. По этому—то разрѣшено было употреблять на обертки: 11 тысячъ экземпляровъ вѣдомостей разныхъ годовъ и форматъ, и между ними 3,462 экз. Юрнала о взятіи Нотебурга, нынѣ извѣстнаго только въ трехъ экземплярахъ, изъ которыхъ два корректурные; вѣдомостей же за 1722 и 23 годы—2,498 и 1,455 экз.; указовъ—около 8,000 экз.; календарей—4,552, въ числѣ ихъ 1,812 экз. календаря на 1709 г., который библиографамъ извѣстенъ нынѣ въ одномъ экземплярѣ, уцѣлѣвшемъ въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра Великаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Книгъ ученаго содержанія, теперь встрѣчающихся только въ немногихъ библиотекахъ и рѣдко-рѣдко у букинистовъ, значится въ помянутыхъ описяхъ по 100, 200, 300, а иногда и болѣе экземпляровъ. Такимъ образомъ, по ненадобности, пошло петровскихъ изданій на обертку на значительную по тому времени сумму—7,412 р. 48 коп., по оцѣнкѣ, во сколько обошлось казнѣ первоначальное печатаніе книгъ.

Это обстоятельство объясняетъ, почему нынѣ невозможно почти собрать всѣхъ печатныхъ русскихъ книгъ начала XVIII вѣка, а потому, для осуществленія намѣренія привести въ извѣстность и описать ихъ, недостаточно одной доброй воли изслѣдователя, но необходимо было пособіе учреждений и лицъ, отъ которыхъ по большей части зависитъ успѣхъ библиографическихъ поисковъ.

Пекарскій считаетъ, прежде всего, обязанностью сказать о средствахъ, которыя были ему предоставлены въ продолженіи его работы.

Въ 1855 г., въ IV томѣ извѣстій академіи наукъ по II отдѣленію, была напечатана записка о планѣ настоящаго труда. Г. директоръ публичной бібліотеки, обративъ на нее вниманіе, поручалъ г. Бычкову рассмотреть и сдѣлать оцѣнку ея. Письмо по этому случаю барона М. А. Корфа, вмѣстѣ съ замѣчаніями г. Быčkova на неполноты и промахи образчиковъ описаній книгъ, помѣщены въ томъ же томѣ помянутыхъ извѣстій.

Увѣренный въ сочувствіи г. директора публичной бібліотеки, изслѣдователь просилъ его о дозволеніи пользоваться въ публичной бібліотекѣ собраніемъ петровскихъ книгъ, на которыя тамъ было обращено особенное вниманіе съ самаго вступленія барона М. А. Корфа въ управленіе нашимъ государственнымъ книгохранилищемъ. Г. директоръ не только изъявилъ на то согласіе—оно, какъ извѣстно, дается въ Петербургѣ каждому, имѣющему охоту и досугъ заниматься въ публичной бібліотекѣ,—но предложилъ работать въ отдѣленіяхъ бібліотеки и разрѣшилъ справляться съ бібліотечными каталогами и

обращаться, въ случаѣ надобности, къ бібліотекарямъ за разъясненіями и справками.

Дозволеніе пользоваться въ такихъ размѣрахъ собраніями публичной бібліотеки доставило возможность изслѣдователю ознакомиться съ болѣею частью, какъ печатныхъ при Петрѣ книгъ, такъ и съ значительнымъ количествомъ рукописей и иностранныхъ источниковъ, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ той эпохѣ. 1855, 56, 57, 58 и половина 59 года посвящены были работѣ въ публичной бібліотекѣ и, должно сказать безъ преувеличенія, Пекарскій могъ выполнять свой трудъ въ теперешнихъ его размѣрахъ, только благодаря доступности и легкости, съ которыми нынѣ можно въ Петербургѣ пользоваться общественнымъ книгохранилищемъ. Читатель можетъ судить о томъ самъ, когда возьметъ на себя трудъ просмотрѣть настоящее изслѣдованіе: въ ми, здѣсь описанными книгами и рукописями, а также русскими и иностранными сочиненіями, встречаемыми въ цитатахъ и при которыхъ не сдѣлано указаній, гдѣ они находятся, изслѣдователь пользовался въ публичной бібліотекѣ.

Добытые здѣсь матеріалы Пекарскій старался дополнять и провѣрять работами въ другихъ бібліотекахъ. Съ этою цѣлью, онъ, въ 1857 году, получилъ чрезъ г. оберъ-гофмаршала Двора Его Императорскаго Величества, графа Шувалова, разрѣшеніе г. министра Императорскаго Двора просмотрѣть книги и гравюры въ такъ называемой галереѣ Петра Великаго при Императорскомъ эрмитажѣ. Съ помощію превосходно составленнаго каталога, изслѣдователь скоро узналъ собраніе, дорогое особенно потому, что принадлежало самому Петру и въ каждой мелочи напоминало его могучую личность. Во время занятій Пекарскаго въ эрмитажѣ, завѣдывала этою галерею покойный Нуммерсъ, и, для пользы науки, надобно желать намъ, чтобы изслѣдователи чаще встрѣчали такихъ хранителей памятниковъ наукъ и искусствъ, каковымъ былъ этотъ почтенный человекъ.

Въ томъ же 1857 г., представился случай Пекарскому, въ бытность его въ Москвѣ, воспользоваться содѣйствіемъ князя М. А. Оболенскаго. Дозволивъ просмотрѣть находящаяся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ книги и рукописи, князь Михаилъ Андреевичъ, какъ любитель старины, самъ взялъ на себя трудъ указать рѣдкія изданія и сообщилъ нѣкоторыя извѣстія о лицахъ, занимавшихся при посольскомъ приказѣ переводами иноязычныхъ сочиненій въ началѣ XVIII столѣтія.

Изслѣдователь былъ въ Москвѣ въ лѣтніе мѣсяцы, когда бібліотека московскаго общества исторіи и древностей обыкновенно бываетъ закрыта; несмотря на то, хранитель ея В. М. Ундольскій съ величайшею готовностью доставилъ Пекарскому возможность ознако-

миться съ петровскими изданіями, которыя есть въ означенномъ собраніи.

Разрѣшеніе пользоваться книгами и типографскими дѣлами архива святѣйшаго правительствующаго синода, разрѣшеніе, которымъ изслѣдователь обязанъ г. оберъ-прокурору, графу А. П. Толстому, было однимъ изъ важнѣйшихъ пособій при составленіи настоящаго труда. Въ подтвержденіе тому, достаточно только напомнить, что почти всѣ средства къ распространенію просвѣщенія въ Россіи при Петрѣ, находились въ рукахъ духовенства; съ учрежденіемъ синода, дѣятельность этого рода тамъ еще болѣе усилилась, и потому все, что ни происходило важнѣйшаго въ исторіи русскаго просвѣщенія до учрежденія академіи наукъ въ Петербургѣ и университета въ Москвѣ, немогло пройти безслѣднымъ въ дѣлахъ синода: отъ него зависѣли тогдашнія школы, ему были подчинены современныя типографіи, многіе изъ переводчиковъ, ценсура книгъ и т. п.

Въ библіотекахъ академіи наукъ—русской и иностранной Пекарскій дополнялъ свѣдѣнія, добытыя имъ въ другихъ собраніяхъ. Здѣсь успѣху работъ много содѣйствовала предупредительная внимательность завѣдующихъ этими библіотеками академиковъ гг. Куника и Шифнера. Изслѣдователь не можетъ также не выразить своей благодарности служащему въ русской академической библіотекѣ, П. П. Ламбину, которому не рѣдко приходилось удовлетворять требованія Пекарскаго объ отысканіи и выдачѣ то огромныхъ фоліантовъ, то едва приметныхъ на полкахъ брошюръ и листковъ.

Изъ частныхъ лицъ Пекарскому содѣйствовали Д. В. Полъновъ и И. П. Каратаевъ. Первый всегда съ величайшею готовностью предоставлялъ изслѣдователю пользованіе его библіотекою, радушно дѣлился съ нимъ свѣдѣніями своими по библіографіи и, наконецъ, узнавъ, что Пекарскому, при предстоявшемъ чтеніи корректуръ, важно имѣть подъ руками описываемыя имъ сочиненія, великодушно передалъ ему, на все время печатанія изслѣдованія, свое собраніе петровскихъ книгъ.

— И. П. Каратаевъ владѣлъ едва-ли не лучшимъ въ цѣлой Россіи частнымъ собраніемъ церковнославянскихъ книгъ; вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему же перешла и библіотека петровскихъ книгъ гражданской печати П. С. Шишкина (который приобрѣлъ ее у и вѣснаго собирателя старопечатныхъ книгъ, покойнаго А. И. Кастерина). Какъ только узналъ г. Каратаевъ, что Пекарскому чрезвычайно важно ознакомиться съ его собраніемъ, то немедленно вызвался самъ показать ему всѣ нужныя для изслѣдованія изданія, и потомъ постоянно слѣдилъ за работою изслѣдователя, не оставляя при многихъ случаяхъ дѣлать свои замѣчанія въ высшей степени полезныя, такъ какъ г. Каратаевъ, собирая самъ втеченіи 20 лѣтъ свою библіотеку, зналъ превосходно каждый экземпляръ ея. Въ маѣ 1861 года, собраніе это поступило въ составъ публичной библіотеки; но въ настоящемъ изслѣдованіи, оконченномъ

до этого событія, при ссылкахъ на книги изъ бывшей каратавской бібліотеки, сохранено имя прежняго владѣльца ихъ, которому Пекарскій считаетъ себя такъ много обязаннымъ.

При помощи такихъ-то средствъ и при содѣйствіи названныхъ лицъ, Пекарскій окончилъ свое изслѣдованіе въ 1859 году. Въ юнѣ того же года, оно поступило, по установленному порядку, на разсмотрѣніе духовной и свѣтской ценсуръ, по окончаніи чего (въ мартѣ 1860 года), было представлено въ академію наукъ, которая возвратила рукопись автору въ маѣ 1861 года. Въ этотъ промежутокъ времени, Пекарскій продолжалъ собирать новые матеріалы для пополненія и исправленія своего труда. Такимъ образомъ, благодаря содѣйствію и указаніямъ Е. Е. Беркгольца, Пекарскій воспользовался болѣею частью тѣхъ приобрѣтеній, которыми почти ежедневно увеличиваетъ публичная бібліотека свой богатый отдѣлъ иноязычныхъ сочиненій о Россіи. — Академикъ Куникъ предоставлялъ изслѣдователю сборникъ академическихъ бумагъ 1719—26 годовъ, въ которыхъ заключались еще неизвѣстныя подробности о приготовительныхъ мѣрахъ къ открытію академіи наукъ въ Петербургѣ, а также о первыхъ годахъ существованія кунсткамеры въ Петербургѣ и старѣйшей въ Россіи общественной бібліотекѣ (нынѣ академической). — В. И. Ламанскій сообщилъ въ распоряженіе Пекарскаго собранныя имъ извѣстія о бывшемъ директорѣ петербургской типографіи Аврамовѣ — лицѣ любопытномъ въ томъ отношеніи, что онъ въ своихъ писаніяхъ защищалъ до-петровскую старину, но такъ, что самъ же высказывалъ всю несостоятельность ея.

Наконецъ, по благосклонному предстательству графа Д. Н. Блудова, г. министръ иностранныхъ дѣлъ разрѣшилъ Пекарскому заниматься въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ хранятся такъ называемыя кабинетныя бумаги Петра Великаго. О важности и значеніи ихъ для русской исторіи XVIII столѣтія, читатель уже знаетъ изъ труда академика Устрялова: онъ дали возможность Пекарскому въ I части его изслѣдованія переработать вновь четыре главы и дополнить почти всѣ остальные, а во II части помѣстить до 100 разныхъ печатныхъ листковъ (по большій части современныхъ указовъ) и брошюръ, которыхъ нѣтъ въ извѣстныхъ бібліотекахъ. Въ числѣ подобныхъ произведеній не мало нашлось и такихъ, которыя или всѣ отъ начала до конца составлялись Петромъ Великимъ, или же правлены имъ самимъ. Говоря о занятіяхъ своихъ въ государственномъ архивѣ, Пекарскій обязанностию считаетъ выразить глубокую признательность управляющему этимъ учрежденіемъ Ѳ. И. Гильфердингу, котораго желаніе и готовность быть полезнымъ каждому изслѣдователю, оцѣнены всѣми, кто только имѣлъ случай работать въ государственномъ архивѣ.

Въ заключеніе, необходимо сказать нѣсколько словъ о планѣ на-

стоящаго изслѣдованія: собирая извѣстія о печатныхъ книгахъ начала XVIII столѣтія, Пекарскій видѣлъ, что даже и при болѣе подробнѣйшій библиографическій описанія составляютъ лишь второстепенный матеріалъ для исторіи, просвѣщенія вообще. Чтобы пополнить пробѣлы, которые были бы неизбежны, еслибы изслѣдователь ограничивался только одними печатными памятниками эпохи, когда Россія еще не была богата типографіями, онъ собиралъ все свѣдѣнія, какія только были ему доступны, о школахъ, о состояніи наукъ вообще, также о степени вліянія европейскаго образованія, противодѣйствіи при томъ старинны и т. п. Все подобныя свѣдѣнія изложены въ I части, заключающей въ себѣ введеніе въ исторію русскаго просвѣщенія начала XVIII столѣтія. II часть посвящена изслѣдованію о тогдашнихъ русскіхъ типографіяхъ и описанію произведеній, тамъ печатанныхъ со времени перваго путешествія Петра Великаго по Европѣ до его кончины, т. е. съ 1698 по 1725 годъ.

5 августа 1861 года.

1.

Значеніе Польши для кievской академіи въ хvii вѣкѣ. Кievскіе ученые въ Москвѣ. Причины неудачъ ихъ тамъ до совершенности Петра Великаго. Вліяніе Кіева на русское просвѣщеніе начала хviii вѣка.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія хvii и хviii столѣтій два событія останавливаютъ, въ особенности, вниманіе изслѣдователя — это заведеніе академіи въ Кіевѣ Петромъ Могилою и заботы Петра Великаго о распространеніи знаній въ Россіи. Оба эти событія — одно въ началѣ хvii, другое въ первые годы хviii вѣка имѣли такое огромное вліяніе на послѣдующій ходъ русскаго просвѣщенія, что въ нихъ находятся зародыши и начало всего, происходившаго въ нашей исторіи наукъ и литературы, и здѣсь надобно искать разгадки многому, что существовало и держалось у насъ долгое время послѣ.

Избравъ для изслѣдованія умственное движеніе въ русской жизни петровскихъ временъ, мы, по необходимости, должны ограничиться немногими только замѣчаніями о предшествовавшей эпохѣ — эпохѣ, не менѣе любопытной и богатой самыми разнообразными явленіями. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Петръ Могила, учреждая академію въ Кіевѣ, взялъ въ образецъ польскія училища и ввелъ порядокъ, даже до нѣкоторой степени направленіе, существовавшіе въ тогдашней Польшѣ. Здѣсь духовенство постоянно и крѣпко держало въ своихъ рукахъ все средства къ образованію и располагало ими по собственному усмотрѣнію. Это обстоятельство имѣло слѣдствіемъ то, что средневѣковая схоластика оставалась въ Польшѣ долѣе, нежели въ остальной Европѣ. Въ первой просвѣщеніе было средствомъ къ возвышенію и процвѣтанію привилегированнаго сословія, отчего мало обращалось вниманія на дальнѣйшее совершенствованіе знаній. Напротивъ, въ другихъ европейскихъ государствахъ, особенно послѣ реформациі, наука шла впередъ, и не для поддержанія какого нибудь одного сословія, не въ видахъ усиленія преимуществъ только избранныхъ лицъ, но на пользу всемъ и каждому, кто только хотѣлъ обратиться къ ней. Отсюда разница въ просвѣщеніи Польши отъ просвѣщенія другихъ странъ Европы.

Появленіе въ Кіевѣ академіи, какъ оплота противъ римско-католической пропаганды, имѣло сильное вліяніе на характеръ просвѣщенія, распространявшагося въ Малороссіи. Тамошніе ученые, запыляя оружіе у враговъ своихъ, не могли не дѣйствовать въ духѣ полемики, какъ единственнаго средства къ защищенію противу нападокъ. Здѣсь и надобно искать причину подражанія не польской народнои, но скорѣе іезуитской литературы, которая, къ сожалѣнію, такъ долго тяготѣла на нашихъ братьяхъ — полякахъ. Всѣ малороссійскіе ученые, какъ только, по своимъ знаніямъ и способностямъ, выходили изъ ряду обыкновенныхъ ученыхъ тружениковъ, растрчивали свои дарованія на полемику или на такія произведенія, въ которыхъ съ избыткомъ разбрасывались цвѣты утонченнаго школьнаго риторства. Полемическое направленіе и рабское усвоеніе всѣхъ приѣмовъ школьной польской учености одѣлали то, что въ Малороссіи образовалась какой-то особый родъ литературы, имѣвшей мало общаго съ народомъ и потому обреченный застою. Но при всемъ томъ, не должно упускать изъ вида, что малороссійская ученость имѣла свою хорошую сторону, именно, съ помощію ея, въ Кіевѣ исчезла туная ненависть ко всему иностранному, которую старались систематически поддерживать въ Москвѣ.

Не прошло и 40 лѣтъ, какъ кіевскіе ученые являютъ въ Москву. И это было весьма кстати для просвѣщенія въ Россіи, но не во-время для нихъ лично. Въ ту пору невѣжество доходило тамъ до того, что ни одной книги не могли напечатать, не надѣлавъ тѣмъ ошибокъ, не повредивъ самаго простаго смысла текста, а въ заключеніи не попросивъ смиренно отпущенія ошибокъ. Но последнее было только на бумагѣ....

Наконецъ, отъ грековъ, наѣзжавшихъ въ Россію за подаяніями, на Востокъ узнали, что въ Малороссіи были такіе люди, которые осмѣливались учиться за границей, и вотъ по этому случаю, въ 1686 г., іерусалимскій патріархъ Досифей писалъ къ царю: «нынѣ въ той странѣ, глаголемой казацкая земля, суть нѣціи, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латинцевъ научени, и бяху архимандрити, игумени, и прочитають неподобная мудрованія въ монастырехъ.... довольна бо есть православная вѣра ко спасенію, и не подобаетъ вѣрнымъ прельщаться чрезъ философію и суетную прелесть.... исповѣдуемъ быти казаковъ православныхъ, обаче многіе растлѣнные имѣють нравы, ихъ же не подобаетъ учиться тамошнимъ православнымъ»....¹⁾

Впрочемъ и безъ этого посланія, малороссійскимъ ученымъ не везло тогда въ Москвѣ. Къ дѣлу о просвѣщеніи примѣшались тамъ мелкія интриги, личные расчеты: ученые греки Лихуды, заклятые враги всего, что напоминало имъ Западъ, болѣе русскихъ, способствовали умноженію

¹⁾ Святый Дмитрій, митрополитъ Ростовскій. Москва, 1849 г., стр. 23 и 24.